

ЛЕВИТАНСКИЙ Юрий Давыдович родился 22 января 1922 года в городе Козелец (Черниговская область, Украинская ССР), Вскоре после рождения Юрия семья переехала в Киев, а затем в Сталино (ныне Донецк). Окончив школу в 1938 году в Сталино, Юрий Левитанский едет в Москву, где в 1939 году поступает в Институт философии, литературы и истории (ИФЛИИ). С началом Великой Отечественной войны поэт со второго курса института добровольцем ушёл на фронт в звании рядового, служил в частях ОМСБОН, стал лейтенантом, затем военным корреспондентом, начав печататься в 1943 году во фронтовых газетах. После капитуляции Германии Левитанский участвовал в боевых действиях в Маньчжурии. За время воинской службы был награждён орденами Красной Звезды и Отечественной войны, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией», «За победу над Японией», двумя медалями Монголии. Демобилизовался из армии в 1947 году. Первый сборник стихов «Солдатская дорога» вышел в 1948 году в Иркутске. Затем появились сборники «Встреча с Москвой» (1949), «Самое дорогое» (1951), «Секретная фамилия» (1954) и др. В 1955–1957 годах Левитанский учился на Высших литературных курсах при Литературном институте им. М. Горького. С 1957 года член Союза писателей. В 1963 году он опубликовал сборник стихов «Земное небо», сделавший автора известным. Из Иркутска Левитанский переехал в Москву. В 1960-х — начале 1970-х, вместе с первой женой Мариной Павловной, жил в ЖСК «Советский писатель» (д. № 25 по Красноармейской улице). Одно из первых публичных выступлений Юрия Левитанского перед большой аудиторией состоялось в Центральной лектории Харькова в 1961 году. Кроме стихов поэт занимался переводами, пародиями — в ежегоднике «День поэзии» за 1963 год опубликована подборка его пародий на известных советских поэтов Леонида Мартынова, Андрея Вознесенского, Беллу Ахмадулину, Михаила Светлова и других. В подборке все пародии написаны на сюжет известной детской считалочки «Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять». В 1970 году у Левитанского вышел сборник стихотворений «Кинематограф»; в 1975 — «Воспоминания о Красном снеге»; в 1980 — «Два времени» и «Сон о дороге»; в 1991 — «Белые стихи». Многие стихи Левитанского были положены на музыку, исполнялись и исполняются популярными бардами (Берковским, Никитиным, братьями Мищуками). Группа СВ в 1984 году выпустила альбом «Московское время», в котором звучат несколько песен на стихи Левитанского. Песни на стихи Юрия Левитанского звучат в кинофильмах «Москва слезам не верит» («Диалог у новогодней ёлки»), «Рыцарский роман» («Каждый выбирает по себе», муз. В.С. Берковского), «Солнечный удар» («Каждый выбирает для себя», муз. С.В. Березина). В 1995 году на церемонии вручения Государственной премии Левитанский обратился к президенту России Ельцину с призывом прекратить войну в Чечне. Юрий Левитанский скончался 25 января 1996 года от сердечного приступа на «круглом столе» творческой интеллигенции, проходившем в московской мэрии, где он говорил о чеченской войне. Похоронен на Ваганьковском кладбище.

Кое-что о моей внешности

Я был в юности — вылитый Лермонтов.
Видно, так на него походил,
что кричали мне — Лермонтов! Лермонтов! —
на дорогах, где я проходил.

Я был в том же, что Лермонтов, чине.
Я усы отрастил на войне.
Вероятно, по этой причине
было сходство заметно вдвойне.

Долго гнался за мной этот возглас.
Но, на некий взойдя перевал,
перешел я из возраста в возраст,
возраст лермонтовский миновал.

Я старел, я толстел, и с годами
начинали друзья находить,
что я стал походить на Бальзака,
на Флобера я стал походить.

Хоть и льстила мне видимость эта,
но в моих уже зрелых годах
понимал я, что сущность предмета
может с внешностью быть не в ладах.

И тщеславья — древнейшей религии —
я поклонником не был, увы.
Так что близкое сходство с великими
не вскружило моей головы.

Но как горькая память о юности,
о друзьях, о любви, о войне,
все звучит это — Лермонтов! Лермонтов! —
где-то в самой моей глубине.

Белая баллада

Снегом времени нас заносит — все больше белеем.
Многих и вовсе в этом снегу погребли.
Один за другим приближаемся к своим юбилеям,
белые, словно парусные корабли.

И не трубы, не марши, не речи, не почести пышные.
И не флаги расцвечиванья, не фейерверки вслед.
Пятидесяти орудий залпы неслышные.
Пятидесяти невидимых молний свет.

И три, навсегда растянувшиеся, минуты молчания.
И вечным прощением пахнувшая трава.
...Море Терпенья. Берег Забвенья. Бухта Отчаянья.
Последней Надежды туманные острова.

И снова подводные рифы и скалы опасные.
И снова к глазам подступает белая мгла.
Ну, что ж, наше дело такое — плывите, парусные!
Может, еще и вправду земля кругла.

И снова нас треплет качка осатанелая.
И оста и веста попеременно прыть.
...В белом снегу, как в белом тумане, флотилия белая.
Неведомо, сколько кому остается плыть.

Белые хлопья выются над нами, чайки летают.
След за кормою, тоненькая полоса.
В белом снегу, как в белом тумане, медленно тают
попутного ветра не ждущие паруса.

* * *

В ожидании дел невиданных
из чужой страны
в сапогах, под Берлином выданных,
я пришел с войны.

Огляделся.
Над белым бережком
бегут облака.
Горожанки проносят бережно
куски молока.

И скользят,
на глаза на самые
натянув платок.
И скрежещут полозья санные,
и звенит ледок.

Очень белое все
и светлое —
ах, как снег слепит!
Начинаю житье оседлое —
позабытый быт.

Пыль очищена,
грязь соскоблена —
и конец войне.

Ничего у меня не скоплено,
все мое — на мне.

Я себя в этом мире пробую,
я вхожу в права —
то с ведерком стою над прорубью,
то колю дрова.

Растилку картофель отваренный —
и обед готов.
Скудно карточки отоварены
хлебом тех годов.

Но шинелка на мне починена,
нигде ни пятна.
Ребятишки глядят почтительно
на мои ордена.

И пока я гремлю,
орудуя
кочергой в печи,
все им чудится:
бьют орудия,
трубят трубачи.

Но снежинок ночных кружение,
закононый свет —
словно полное отрешение
от прошедших лет.

Ходят ходики полусонные,
и стоят у стены
сапоги мои, привезённые
из чужой страны.

* * *

Вы помните песню про славное море?
О парус, летящий под гул баргузина!
...Осенние звезды стояли над логом,
осенним туманом клубилась низина.

Потом начинало светать понемногу.
Пронзительно пахли цветы полевые...
Я с песнею тою пускался в дорогу,
Байкал для себя открывая впервые.

Вернее, он сам открывал себя. Медленно
машина взбиралась на грань перевала.
За петлями тракта, за листьями медными
тянуло прохладой и синь проступала.

И вдруг он открылся. Открылась граница
меж небом и морем. Зарей освещенный,
казалось, он вышел, желая сравниться
с той самою песней, ему посвященной.

И враз пробежали мурашки по коже,
сжимало дыханье все туже и туже.
Он знал себе цену. Он спрашивал: — Что же,
похоже на песню? А может, похуже?

Наполнен до края дыханьем солёным
горячей смолы, чешуи омулиной,
он был голубым, синеватым, зеленым,
горел ежевикой и дикой малиной.

Вскипала на гальке волна ветровая,
крикливые чайки к воде припадали,
и как ни старался я, рот открывая,
но в море, но в море слова пропадали.

И думалось мне под прямым его взглядом,
что, как ни была бы ты, песня, красива,
ты меркнешь, когда открывается рядом
живая, земная, всесильная сила.

Грач над березовой чащей

Света и сумрака заговор.
Вечно о чем-то молчащий,
неразговорчивый загород.
Лес меня ветками хлещет
в сумраке спутанной зелени.
Лес меня бережно лечит
древними мудрыми зельями.
Мятой травой врачует —
век исцеленному здравствовать,
посох дорожный вручает —
с посохом по лесу странствовать...
Корни замшелого клена
сучьями трогаю голыми,
и откликается крона
дальними строгими гулами.

Резко сгущаются тени,
перемещаются линии.
Тихо шевелятся в тине
странные желтые лилии.
Гром осыпается близко,
будит округу уснувшую.
Щурюсь от быстрого блеска.
Слушаю.

Слушаю.

Слушаю.

* * *

День все быстрее на убыль
катится вниз по прямой.
Ветка сирени и Врубель.
Свет фиолетовый мой.

Та же как будто палитра,
сад, и ограда, и дом.
Тихие, словно молитва,
вербы над тихим прудом.

Только листья обгорели
в медленном этом огне.
Синий дымок акварели.
Ветка сирени в окне.

Господи, ветка сирени,
все-таки ты не спеши
речь заводить о старенье
этой заблудшей глуши,

этого бедного края,
этих старинных лесов,
где, вдалеке замирая,
сдавленный катится зов,

звук пасторальной свирели
в этой округе немой...

Врубель и ветка сирени.
Свет фиолетовый мой.

Это как бы постаренье,
в сущности, может, всего
только и есть повторенье
темы заглавной его.

И за разводами снега
вдруг обнаружится след
синих предгорий Казбека,
тьнь золотых эполет,

и за стеной глухомани,
словно рисунок в альбом,
парус проступит в тумане,
в том же, еще голубом,

и стародавняя тема
примет иной оборот...
Лермонтов. Облако. Демон.
Крыльев упругий полет.

И, словно судно к причалу
в день возвращения домой,
вновь устремится к началу
свет фиолетовый мой.

Диалог у новогодней ёлки

— Что происходит на свете? — А просто зима.

— Просто зима, полагаете вы? — Полагаю.

Я ведь и сам, как умею, следы пролагаю
в ваши уснувшие ранней порою дома.

— Что же за всем этим будет? — А будет январь.

— Будет январь, вы считаете? — Да, я считаю.

Я ведь давно эту белую книгу читаю,
этот, с картинками вьюги, старинный букварь.

— Чем же все это окончится? — Будет апрель.

— Будет апрель, вы уверены? — Да, я уверен.

Я уже слышал, и слух этот мною проверен,
будто бы в роще сегодня звенела свирель.

— Что же из этого следует? — Следует жить,
шить сарафаны и легкие платья из ситца.

— Вы полагаете, все это будет носиться?

— Я полагаю, что все это следует шить.

— Следует шить, ибо сколько вьюге ни кружить,
недолговечны ее кабала и опала.

— Так разрешите же в честь новогоднего бала
руку на танец, сударыня, вам предложить!

— Месяц — серебряный шар со свечою внутри,
и карнавальные маски — по кругу, по кругу!

— Вальс начинается. Дайте ж, сударыня, руку,
и — раз-два-три,

раз-два-три,

раз-два-три,

раз-два-три!..

Зачем дураку море?

Подарили дураку море.
Он потрогал его. Пощупал.

Но устал он. И скучно стало.
Сел дурак на песок устало.

Обмакнул и лизнул палец.
Был соленым и горьким палец.

Повернулся спиной к прибою.
Стал в лото играть. Сам с собою.

Тогда в море дурак плюнул.
Близко плюнул. Подальше плюнул.

То выигрывает, то проигрывает.
На губной гармошке поигрывает.

Плевать в море всем интересно.
Дураку это даже лестно.

Проиграет дурак море!..
А зачем дураку море?

* * *

Здесь обычай древний не нарушат.
В деревянный ставень постучи —
чай заварят, валенки просушат,
теплых щей достанут из печи.

В этих избах,
в этой снежной шири,
белыми морозами дыша,
издавна живет она — Сибири
щедро хлебосольная душа.

Если кто и есть еще, быть может,
что, шаги слыша у ворот,
на задвижку дверь свою заложит,
ковшика воды не поднесет,

и влечет его неудержимо
встреча с каждым новым пятаком —
пусть себе трясется эта жила
над своим железным сундуком!

Сколько раз
меня в крестьянской хате
приглашали к скромному столу!
Клали на ночь
только на кровати,
сами ночевали на полу.

Провожая утром до ограды,
говорили, раскурив табак,—
дескать, чем богаты, тем и рады.
Извиняйте, если что не так!..
В дом к себе распахивая двери,
не тая ни помыслов, ни чувств,
быть достойным,
хоть в какой-то мере,
этой высшей щедрости
учусь.

Чтоб делить
в сочувственной тревоге
все, что за душой имею сам,
с человеком,
сбившимся с дороги,
путником,
плутавшим по лесам.

Чтобы, с ним прощаясь у ограды,
раскурив по-дружески табак,
молвить:
— Чем богаты, тем и рады.
Извиняйте, если что не так!